

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.29>

Кудашова Нина Николаевна

ТЕКСТОВАЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА С ПОЗИЦИИ ГОВОРЯЩЕГО ЛИЦА

В статье рассматривается проблема антропоцентричности художественного текста на примере произведений немецких писателей XX века Анны Зегерс, Генриха Бёлля и Эрвина Штрийтматера. Антропоцентричность текста состоит в создании его для человека и о человеке, в стремлении автора описать и понять человека, его мысли и чувства, передать средствами языка и художественного текста его внутренний мир. Проблема человека, если она важна для писателя, подчиняет себе весь строй художественного произведения и его язык. Отмечается, что для решения проблемы анализа антропоцентричности художественного текста необходимо сочетание литературоведческих и лингвистических подходов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 346-350. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. Кубрякова Е. С. [и др.] Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997. 245 с.
7. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. 2-е изд. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2002. 287 с.
8. Мельников Г. П. Системный подход в лингвистике // Системные исследования. Ежегодник 1972. М.: Наука, 1973. С. 183-204.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
10. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm> (дата обращения: 10.01.2018).
11. Яссман В. П. Образ мира личности: этническая картина мира. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005. 104 с.
12. Bruner J. ...car la culture donne forme à l'esprit: de la révolution cognitive à la psychologie culturelle. P.: Eshel, 1990. 172 p.
13. Boone A., Joly A. Dictionnaire terminologique de la systématique du langage. P.: L'Harmattan, 2004. 470 p.
14. Desclés J.-P. Langues, Langage et Cognition: quelques réflexions préliminaires // Langage, cognition et textes. P.: Editions d'Artrey, 1996. Vol. 1. P. 3-46.
15. Kramsch C. Language and Culture. Oxford: Oxford University Press, 1998. 124 p.
16. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press, 1992. 487 p.

COGNITIVE MECHANISM TO FORM THE TEACHER'S IMAGE IN STUDENTS' NATIONAL LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Kostyushkina Galina Maksimovna, Doctor in Philology, Professor
Pavlenok Dar'ya Valer'evna
Baikal State University, Irkutsk
kostyushkina@mail.ru; dpavlenok@mail.ru

Using a systemic approach the authors identify a cognitive system-formative mechanism to form the teacher's image in linguistic consciousness of Russian and French students. The paper introduces the concept of a professional code, which is considered as a type of cultural codes associated with the teacher's professional activity. By the content analysis of associative responses the authors identify and examine the components of the analyzed image. The analysis of the experiment data has shown certain discrepancies in the structure of the ethno-cultural component of the cognitive mechanism of the teacher's image formation.

Key words and phrases: linguistic consciousness; systemic approach; cognitive mechanism; free associative experiment; teacher.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 25.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.29>

В статье рассматривается проблема антропоцентричности художественного текста на примере произведений немецких писателей XX века Анны Зегерс, Генриха Бёлля и Эрвина Штримматера. Антропоцентричность текста состоит в создании его для человека и о человеке, в стремлении автора описать и понять человека, его мысли и чувства, передать средствами языка и художественного текста его внутренний мир. Проблема человека, если она важна для писателя, подчиняет себе весь строй художественного произведения и его язык. Отмечается, что для решения проблемы анализа антропоцентричности художественного текста необходимо сочетание литературоведческих и лингвистических подходов.

Ключевые слова и фразы: антропоцентричность; художественный антропоцентризм; человеческий фактор; говорящее лицо; адресант; текст.

Кудашова Нина Николаевна, к. филол. н., доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
kudaschovanina@yandex.ru

ТЕКСТОВАЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА С ПОЗИЦИИ ГОВОРЯЩЕГО ЛИЦА

Говорящий (или, точнее, пишущий, он же адресант) при порождении текста использует язык, с одной стороны, подчиняясь действию речемыслительных процессов, а с другой, преломляя их действие через собственную индивидуальность. Поэтому в текстовой ткани художественного произведения автор/адресант заявляет о себе в каждом использованном им слове, и антропоцентризм этого рода умножается на антропоцентризм конструирования автором человеческих личностей-персонажей, а также всех тех лиц, которых он так или иначе вводит в свое произведение. Антропоцентризм как основное свойство художественных текстов, где человек становится центром мира, о котором он говорит, исследовался в весьма пространственных координатах человеческого фактора, основой которого в его текстовой реализации является соответствующее функционирование языка как динамического инструмента познания и общения [13, с. 170]. Изучением антропоцентричности современного художественного текста занимаются многие современные исследователи:

Ю. М. Калинина [5], Л. И. Комарова [7], Н. В. Чеснокова [14], Л. Н. Чурилина [15] и др. Однако до сих пор остаётся неосвещённым вопрос о научной принадлежности данных исследований, отнесении их к литературоведению или лингвистике как отраслям филологического знания.

Для исследователей несомненно, что современная лингвистика должна быть «контекстно-зависимой» и «текстоцентричной» [4], то есть направленной на текст и именно в тексте находящей подтверждение своих положений; что интерпретация художественного текста невозможна без интеграции разных филологических подходов [1]. Задачу такой интеграции достаточно успешно выполняет лингвистика текста, одним из методов которой является синтез различных подходов при анализе художественного текста [11]. Выход в междисциплинарное поле для современной науки обязателен, причём в это поле при анализе художественного текста должны входить не только литературоведение и лингвистика, но и философия, психология, культурология, эстетика [12, с. 5]. Только интеграция исследовательских методов различных гуманитарных наук способна решать такие сложные и неоднозначные задачи, как антропоцентрический анализ художественного текста, выявление в нём образа автора, представленного на разных уровнях языка и текста.

Строго говоря, все антропоцентрические исследования отталкиваются от одного общего тезиса, а именно от определяющей роли говорящего лица, порождающего текст [2, с. 74]. Эта весьма туманная установка конкретизируется в самых разнообразных вариантах рассмотрения текстовых аспектов, раскрывающих не только то, как вербализуется в речевом построении мысль говорящего лица, но также и то, что становится ее предметом. В данной статье внимание будет обращено лишь на два момента, определяющие особенности трактовки человеческого фактора автором (говорящим лицом, языковой личностью, речевой индивидуальностью), а именно (1) постижение автором человеческой сущности, самого человека, через сложное развитие темы, включающее описание вереницы событий из жизни главных героев, предполагающее упоминание большого числа лиц, и (2) особые предпочтения автора в изображении определенного типа людей.

На примере рассказа Анны Зегерс «Ключ» („Der Schlüssel“) [17], входящего в трилогию «Три женщины с Гаити», можно продемонстрировать некоторые аспекты текстовой интерпретации, производимой с учетом реализованного в тексте человеческого фактора. Жизненный путь главного героя рассказа, Амедея, определяют высокие чувства – любовь к человеку и сострадание чужому горю. Это проявляется в двух эпизодах рассказа, расположенных в различных временных плоскостях по отношению друг к другу в соответствии с законами текстовых категорий проспекции и ретроспекции. Амедей, который спас от гибели в огне несчастную рабыню, ставшую впоследствии его женой, был единственным, кто обратил внимание на ее отчаянные крики, потребовал ключ и освободил женщину из карцера в горевшем здании. Этот ретроспективный эпизод, помещенный в середину рассказа, обрамляется другим, имеющим проспективное развитие и посвященным раскрытию другого внутреннего качества героя. Дело в том, что Амедей исполнен безаветной любви и преданности к Туссену, бывшему предводителю негритянской армии на Гаити, которого хитростью и обманом захватили в плен, вывезли во Францию, в горы Юры, и заточили в крепость. Амедей сумел наняться на строительство дороги в горах Юры, чтобы каждый день видеть крепость, где томился Туссен. Подобное конструирование темы, основанное на глубинном акцентировании человеческого фактора, имеет немаловажное значение для категории текстовой информативности этого рассказа: его смысл раскрывается только при выявлении двух планов в развитии темы. Идея рассказа заключается в создании образа человека кристальной душевной чистоты и безаветной преданности, любовь которого, однажды зародившись, могла умереть только вместе с ним. При выборе темы и особенно при отборе ее главных признаков, подлежащих отображению языковыми средствами, А. Зегерс как автор реализовала себя в полном соответствии с принципами художественного антропоцентризма, когда человек становится центром мира, о котором он говорит, и когда, как в данном конкретном случае, особенное развитие темы практически растворило авторскую модальность в структуре текстовой номинации.

Нельзя не отметить, что в тексте рассказа упоминается большое число лиц, но только некоторым из них даются имена собственные. Это либо главные герои и самые близкие им люди (подруга Софи, стражник Жан Виоле, с которым подружился Амедей и который разделял его взгляды), либо достаточно удаленные лица, имеющие большой социальный вес и способные определять судьбы других людей (Бонапарт, Туссен, графы Монруа). Другую категорию лиц составляют обезличенные фигуры, объединяемые в группы (1) или представляемые поодиночке (2), например, (1) *die Arbeiter, die die große Straße im Jura-Gebirge anlegten... / рабочие, проложившие большую дорогу в горах Юра...; Ein Paar Leute, die nach Pontarlier oder in irgendein Dorf gingen... / Несколько человек, которые отправились в Понтарлье или в какую-нибудь деревню...; Nicht alle französischen Soldaten, die die Festung bewachten... / Не все французские солдаты, охранявшие крепость...; (2) *Der neue französische Kommissar war gelandet... / Новый французский комиссар приземлился...; die Herrin dachte sich oft und gern solche Art Strafen aus... / любовница часто и охотно выдумывала такие наказания...; Ich weiß nicht, ob die Aufseherin, dieses gemeine Weib... / Я не знаю, надзиратель, эта женщина – рядовой... (перевод наш. – Н. К.).**

Насыщение текста различными наименованиями лиц, присутствующих в той или иной мере во всех художественных произведениях, имеет, тем не менее, своеобразное проявление в каждом из них. Тот факт, что герои рассказа «Ключ» изображаются на фоне разнообразных групп людей и отдельных личностей, придает ему черты эпичности, как бы раздвигающей рамки короткого рассказа. Можно таким образом заключить, что умение рассмотреть своеобразие представления в конкретном тексте человеческого фактора и связать его со всей архитектурой текста, его концептом, будет, несомненно, способствовать постижению того, в каких формах обретает свое художественное воплощение человек как главный центр любого текстового построения.

Генриха Бёлля часто несколько пренебрежительно называли писателем «маленьких людей». И действительно, тема «маленького человека» в его творчестве всегда была на переднем плане. Писатель все время обращается к образу «чудака», «белой вороны». В 1951 году выходит его рассказ «Белая ворона» („Die schwarzen Schafe“) [3], за который он удостоен литературной премии «Группы 47». А. В. Карельский метко характеризует качества героев Бёлля: «Это не только неустроенность, обособленность от других, обусловленные внешними факторами, – это и принципиальное осознание своей непохожести и, как правило, – подчеркнутое нежелание стать иным, приспособиться, “вписаться” в общую картину, потому что для героев Бёлля это значит поступиться своим внутренним достоинством. Если это не всегда осознает сам герой, то самый факт его “отстранения” писателем как бы автоматически присоединяет его к многочисленному роду “белых ворон”» [6, с. 11]. В этой цитате заслуживает упоминания помеченная критиком антропоцентрическая координата, внедренная автором как создателем текста при текстопостроении, которая заключается в особом приеме «отстранения». В терминах лингвистики текста этот прием может быть прокомментирован как фактор создания особого рода текстовой информации, являющейся основой одной из важнейших текстовых категорий – информативности текста, поскольку именно с помощью этого приема автору удалось заложить важную доминанту человеческой личности главного героя в подтекст произведения, являющийся одним из глубинных слоев текстовой информации. В то же время важно отметить, что тематика произведений того или иного автора (которые также вполне допустимо трактовать как макротекст) позволяет составить комплексное представление о взгляде на человека, свойственном всему творчеству данного автора, а, следовательно, и проявляющемся в том конкретном тексте, который подвергается лингвистическому анализу в рамках проблематики лингвистики текста. Таким образом, каждое произведение (и, соответственно, каждый текст) является своего рода частью мозаики, тесно связанной с континуумом авторского мировосприятия, в отрыве от которого он теряет часть своей информативности.

Исследователями отмечается, что для героев Г. Бёлля характерно стремление сохранить свое человеческое достоинство, свою внутреннюю независимость [9, с. 33]. Об этом и повесть писателя «Хлеб ранних лет» („Das Brot der frühen Jahre“, 1955). Чувство собственного достоинства герой Бёлля не теряет нигде: ни на войне («Когда кончилась война» – „Als der Krieg zu Ende war“, 1961), ни в послевоенной действительности («Бильярд в половине десятого» – „Billard um halb zehn“, 1959; «Глазами клоуна» – „Ansichten eines Clowns“, 1963).

Анализ текста позволяет (что очень важно) установить архисему творчества писателя. Принимая во внимание антропоцентрическую направленность текста, можно, в частности, выявить архисему «маленький человек», воплощают которую у Г. Бёлля мелкие служащие, продавцы, ремесленники, ставшие героями его рассказов и романов. Известно, что Г. Бёлль является большим знатоком человеческой психологии и что созданные им образы героев впечатляют тонкостью и глубиной передачи их внутреннего мира. Особенно ему удавались детские образы, и в целом ряде произведений он с большой чуткостью воссоздает душевный мир детей («Смерть Лознгрин» – „Der Tod von Lohengrin“). С другой стороны, можно также заметить, что Г. Бёлль, проведший четыре года на восточном фронте и вернувшийся с войны убежденным противником убийства, насилия и разбоя, создавал произведения, стремясь донести до людей свою идею протеста против всех зол, лишаящих человека жизни или же превращающих ее в невыносимое существование. В целом, данные моменты в состоянии определить характер антропоцентричности произведений Г. Бёлля, созданных им для человека и о человеке.

Проблема антропоцентричности художественного текста представляется одной из самых сложных в силу своей обширности и многоаспектности. Не вызывает сомнения тот факт, что всякое художественное произведение ставит в центр своего повествования человека, его переживания, стремления, страдания, радости, надежды. Категории человеческой души вечны и актуальны в любое время, независимо от способа их осмысления и воспроизведения на страницах литературных произведений, будь то античная трагедия или самый современный бестселлер. Человек как главный объект и главная тема любого художественного произведения подчиняет себе, в конечном итоге, построение всего произведения, а также его язык, приобретая статус главного организующего начала. В этом, по-видимому, и кроется основное значение антропоцентрической направленности художественной литературы.

Следует заметить, однако, что тема человека, всегда бывшая одной из центральных в филологических работах, освещалась в очень слабой зависимости от текстовой ткани художественного произведения. Этому факту вполне можно найти объяснение, которое заключается в том, что литературоведение не желало вторгаться в пределы чужой науки – лингвистики, предоставляя последней рассматривать собственно текстовое воплощение художественного произведения. Между тем, лингвистика вела себя совершенно иначе, нежели ее ближайший филологический родственник. Она смело внедрялась в традиционно литературоведческие области и искала в них вполне лингвистическую основу, заявляя, что имеет на это полное право, поскольку всё в художественном тексте создается и моделируется средствами языка. Таким образом возникла лингвистическая поэтика – интегративная дисциплина, которая, несмотря на самую жесткую критику, сопровождавшую ее рождение и первые годы жизни, продолжает существовать и развиваться. Предметом лингвистической поэтики является «художественно-речевая структура» [10, с. 18] художественного текста, его формально-содержательный, композиционный и языковой уровни.

Соединение лингвистических и литературоведческих ракурсов рассмотрения одного и того же исследовательского объекта – текста художественного произведения, происходящее в рамках лингвистической поэтики, вполне целесообразно. Происходит сочетание литературоведческих и лингвистических подходов, углубление и обогащение исследовательских методик. С позиций лингвистики «для антропоцентризма прежде всего

актуально положение о человеке как центре и высшей цели мироздания» [8, с. 4], и для филологов, рассматривающих антропоцентрическое в художественном тексте, данный тезис тоже важен. В рамках лингвистической поэтики филологический анализ текста с его глобальной тактикой рассмотрения проблемы (в данном случае проблемы представленности человека в тексте) соединяется с лингвистической практикой установления того, как конкретно происходит материальное воплощение этой проблемы средствами языка.

Ещё один мастер слова, по отношению к антропоцентричности творчества которого необходимо использование ресурсов лингвистической поэтики, – выдающийся немецкоязычный писатель XX века Эрвин Штрийтматер. Для него в художественном произведении очень важным было изображение человеческой наивности. Э. Штрийтматер предпочитал описывать наивных людей потому, что их столкновение с действительностью особенно контрастно. Весьма своеобразны лингвистические способы создания в произведениях Э. Штрийтматера образов наивных людей. Писатель придавал исключительно большое значение поэтизации жизни, привнесению в художественное произведение, как он сам выражался, «вещества, которое именуют поэзией». В этом смысле, Э. Штрийтматер считается одним из самых поэтичных прозаиков своего времени, а его роман «Оле Бинкоп» („Ole Bienkopp“, 1965) [16] оценивается некоторыми критиками как поэма в прозе. Помимо этого, сам Э. Штрийтматер характеризовал свою манеру письма как поиск момента, когда удастся нечто сложное выразить просто. За это некоторые считали его упрощенцем, хотя сам он полагал, что за этим «упрощением» скрывается то ли избыток наивности, то ли избыток труда. Э. Штрийтматер уточняет, какими способами он достигает такой манеры письма с её ограничением простотой. Он называет это *Verknappung* (краткость, умение отказываться от необязательных подробностей) и *Verdichtung* (сгущение, уплотнение, способность сводить большое к малому, вместе с тем сохраняя представление о глубине и широте изображаемого). Целесообразно обратиться к некоторым положениям, выработанным лингвистикой текста относительно проблемы текстовой номинации, изучение которой только начинает обретать свои очертания. Проблема номинации традиционно решалась только на базе слова, однако исследования последних лет пытаются приложить ее к уровню предложения и текста. Представляется вполне обоснованной трактовка текстовой номинации как воспроизведения в тексте внеязыковой ситуации, которая выступает в качестве её референта. При этом именно автор должен осуществлять отбор языковых средств, оценивая их значимость для произведения. Лингвистика текста, в ведении которой находится обозначенная выше проблема текстовой номинации, пытается решить ее в несколько обобщенном виде. Однако вполне очевидно, что решение должно прийти именно через выявление общих тенденций текстопостроения, которые кроются в индивидуальной манере интерпретации внеязыковой ситуации, создающейся в воображении автора и варьирующейся в его представлении в зависимости от его интенций. Лингвистическая поэтика способна содействовать решению проблемы текстовой номинации, поскольку включает в поле своего рассмотрения те частности, которые могут иметь в данном случае решающее значение. Одна из таких особенностей, прилагаясь к творчеству Э. Штрийтматера, заключается в том, что особое «сгущение, уплотнение» изображаемой ситуации дополняется у Э. Штрийтматера ее поэтизацией, а наивный чудак Оле Бинкоп помещается автором в ситуации, которые переданы компактно и опозитизированно. Категория текстовой номинации, рассматриваемая с учетом некоторых моментов лингвистической поэтики, вполне может считаться одним из факторов, определяющих своеобразие антропоцентрической направленности текста художественного произведения.

Обобщая сказанное, можно заметить, что проблема антропоцентричности художественного текста требует совместного изучения литературоведов и лингвистов, в первую очередь в рамках интегративной дисциплины – лингвистической поэтики. Необходимо анализировать направленность художественного текста на изображение человека, передачу его внутреннего мира, его мыслей и чувств.

Список источников

1. Айтпенбетова Г. А., Саматаева К. Б. Принцип интеграции при интерпретации художественного текста // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 9. С. 112-116.
2. Баракина И. В. Лингвистические аспекты изучения понятия «антропоцентризм» // Проблемы вариативности в германских языках. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1995. С. 74-79.
3. Бёлль Г. Моё печальное лицо: рассказы и статьи. М.: Прогресс, 1968. 366 с.
4. Золян С. Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно-зависимой семантике и текстоцентричной лингвистике) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. Т. 7. № 7. С. 69-86.
5. Калинина Ю. М. Композиция художественного текста как средство выражения его антропоцентричности: автореф. дисс. ... к. филол. н. Липецк, 2009. 24 с.
6. Карельский А. В. Генрих Бёлль и его герой // Бёлль Г. Мое печальное лицо: рассказы и статьи. М.: Прогресс, 1968. С. 3-23.
7. Комарова Л. И. Антропоцентризм художественного текста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 8 (64). С. 99-103.
8. Крылова М. Н. Семантика современного русского сравнения: лингвокультурологический анализ: монография. Саратов: Вузовское образование, 2014. 189 с.
9. Кудашова Н. Н. Г. Бёлль – моралист // Вестник Мордовского университета. 1994. № 4. С. 32-34.
10. Кукуева Г. В. Малая проза В. М. Шукшина в аспекте лингвистической поэтики // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 8-9. С. 18-20.
11. Малыгина М. В. Способы и признаки интеграции художественного текста // Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве: мат. II междунар. науч.-практ. конф. К.: Логос, 2016. С. 24-30.
12. Новикова Э. Г. Малая проза Татьяны Толстой в лингвопоэтическом аспекте: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2013. 23 с.

13. Телия В. Н. Послесловие // Метафоры в языке и тексте / В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф и др.; отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 170-176.
14. Чеснокова Н. В. Антропоцентрическая концепция творчества С. Н. Сергеева-Ценского: лингвистический аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2003. 24 с.
15. Чурилина Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2002. 40 с.
16. Штрिटтматер Э. Оле Бинкоп: роман / пер. с нем. Н. Ман, С. Фридлянд // Роман-газета. 1965. № 10. 128 с.
17. Seghers A. Drei Frauen aus Haiti. Berlin – Weimar: Aufbau-Verlag, 1980. 99 S.

**TEXT ANTHROPOCENTRICITY AS REFLECTION
OF THE HUMAN FACTOR FROM THE POSITION OF THE SPEAKER**

Kudashova Nina Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
kudaschovanina@yandex.ru

The article deals with the problem of anthropocentricity of a literary text by the example of the works of the German writers of the XX century Anna Seghers, Heinrich Böll and Erwin Strittmatter. Anthropocentricity of the text consists in creating it for the person and about the person, in the writer's intention to describe and understand the person, his/her thoughts and feelings, to convey his/her inner world through the means of the language and the literary text. The problem of the man, if it is important for the writer, subordinates the entire structure of the work of art and its language. It is noted that to solve the problem of analyzing the anthropocentricity of the literary text, the combination of literary and linguistic approaches is necessary.

Key words and phrases: anthropocentricity; literary anthropocentrism; human factor; speaker; addressee; text.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 04.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.30>

Статья посвящена компонентному анализу английских процессуальных фразеологических единиц (ФЕ) в художественном тексте и их роли в создании литературных образов. Описывается вариативность знаменательных и служебных компонентов в составе фразеологизма и представляется классификация зависимости компонентов друг от друга. В частности, речь идет о константной, константно-переменной, константно-вариантной, константно-вариантно-переменной и трансформационной зависимостях. Дается обоснование авторских трансформаций компонентов в ФЕ в тексте романа "Miss Peregrine's Home for Peculiar Children", автор – Рэнсом Риггс.

Ключевые слова и фразы: процессуальные фразеологические единицы; компонентный состав; вариативность; знаменательный компонент; служебный компонент; метод компонентного анализа; константа.

Кулакович Мария Сергеевна

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
kulakovichms@csru.ru

**ВАРИАТИВНОСТЬ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА "MISS PEREGRINE'S
HOME FOR PECULIAR CHILDREN" РЭНСОМА РИГГСА)**

Цель данной статьи – проанализировать вариативность фразеологизмов, основанную на методе компонентного анализа. Статья актуальна, так как касается вопросов функционирования фразеологических единиц (далее – ФЕ) в художественном тексте.

Новизна исследования заключается в том, что в нем используется материал современного американского писателя Ренсома Риггса и описываются вариативные комбинации процессуальных единиц как самых продуктивных по употреблению. Автор статьи впервые подробно рассматривает вариативность процессуальных ФЕ в тесном соотношении сем и делает вывод о взаимосвязи замысла писателя со структурой и семантикой фразеологизмов, избранных им для характеристики героев.

В последние десятилетия идет активный процесс системного изучения ФЕ в самых разных аспектах – семантическом, грамматическом, стилистическом [1, с. 10].

Метод компонентного анализа ФЕ – это метод исследования, при котором целое значение раскладывается на минимальные элементы. Для обозначения данных элементов используются различные термины: оттенок значения, дифференциальный признак значения, семантический множитель, сема, семема, семантический маркер, атом смысла – наносмысл. Лингвисты придерживаются диаметрально противоположных взглядов на то, что является компонентом фразеологизма. Например, В. П. Жуков, В. Н. Телия считают компонент